

18+

Тот, кого нет

Квентин Массин

Максим Квиндт

Тот, кого нет

«Издательские решения»

Квиндт М. А.

Тот, кого нет / М. А. Квиндт — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Туман в этом городе не убивает — он вычёркивает.
Сначала вывески, потом лица, потом тебя. Четверо подростков ищут
пропавшего Лукаса и лезут в правку реальности, где память — единственная
защита, а вина становится приманкой. Дом ждёт... если тебя ещё
помнят. Книга содержит нецензурную брань.

© Квиндт М. А.

© Издательские решения

Содержание

Тот, кого нет. Глава 1 — Обычный вечер	6
ГЛАВА 2 — То, что не приходит вовремя	7
ГЛАВА 3 — Дом, который слушает	9
ГЛАВА 4 — Комната, которая помнит	11
ГЛАВА 5 — То, что помнит тебя	13
ГЛАВА 6 — Снимки, которые не должны существовать	16
ГЛАВА 7 — Улица, которая делает вид, что ты чужой	20
ГЛАВА 8 — Цена имени	25
ГЛАВА 9 — Узел памяти	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Тот, кого нет

Максим Алексеевич Квиндт

Дизайнер обложки Максим Алексеевич Квиндт

© Максим Алексеевич Квиндт, 2026

© Максим Алексеевич Квиндт, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-1898-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тот, кого нет. Глава 1 — Обычный вечер

Холлоу-Крик жил, как обычно: тихо, будто город забыл, что ему положено шуметь. Фонари мерцали через туман — как будто им было лень светить, но они старались. В комнате Эйдена пахло пиццей, колой и чем-то ещё, что появлялось только тогда, когда трое друзей собирались вместе.

Сэм раскинулся на кресле, разматывая боксерскую ленту между пальцами — нервная привычка. Мэтт сидел на полу, разглядывая карту звёзд на телефоне. Эйден щёлкал крышкой ручки, глядя то на часы, то на дверь.

— Лукас опаздывает уже сорок минут, — заметил Сэм. — Сорок минут, Карл. Это почти половина фильма ужасов.

— Это называется «быть Лукасом», — тихо сказал Мэтт, не отрывая взгляда от экрана. — Он вечно теряется. Может, опять забыл, что идёт сюда.

— Как можно забыть тусу? — Сэм пихнул его ногой. — Ты забудешь как дышать раньше, чем тусу.

— Я один раз забывал, — пробормотал Мэтт.

— Это называется паническая атака, бро.

Эйден наконец поднял взгляд от телефонного блока.

— Он мне сам звонил час назад. Сказал, что идёт от парка. Пять минут — и будет.

— Ага, — Сэм закатил глаза. — Пять минут в стиле Лукаса. Значит «когда туман вырастет по колено».

Эйден снова посмотрел на дверь. Почему-то глубоко внутри — что-то кольнуло. Совсем слегка. Но нехорошо. Он набрал Лукаса. Гудки. Долгие. Наконец — голос.

Но... странный.

— Эй... я почти... — шум ветра. Шорох. — почти у... парка...

— Чувак, ты где именно?

— Я... — пауза. Слишком долгая. — Эйден?.. Ты тоже...

И связь оборвалась, как будто кто-то просто выдернул звук.

Сэм поднял бровь:

— Эм... что за...?

Мэтт уже всерьёз оторвался от телефона:

— Это было... странно. Даже для Лукаса.

Эйден чувствовал, как у него холодеют пальцы, хотя в комнате было тепло. Щелчок ручки стал резче.

— Пойдём его заберём, — сказал он. — Мне не нравится, как он звучал.

— Может, он просто... — начал Мэтт.

— Нет, — перебил Эйден. — Он был напуган.

Сэм поднялся, размотав ленту до конца, и ткнул в грудь Эйдена:

— Ладно. Но если это розыгрыш — я убью его. Потом обниму. Но сначала убью.

Они вышли в вечерний туман. Он был плотнее, чем обычно. Тише, чем обычно. Будто слушал. Сэм оглянулся:

— Эх. Ненавижу туман. Он как бывшая: вечно появляется, когда не надо.

Мэтт тихо вздохнул:

— Это очень тупая метафора, чувак.

Эйден шёл первым. Он всегда шёл первым. Но сейчас... впервые за долгое время он почувствовал, что не понимает того, что происходит. И что-то в тумане шептало, ещё слишком тихо, чтобы разобрать... но достаточно, чтобы заставить сердце стучать быстрее.

ГЛАВА 2 — То, что не приходит вовремя

Туман на улице был не вечерним — он был неправильным. Слишком густым. Слишком тихим. Как будто звук в нём глох, не желая жить. Сэм шёл рядом, руки в карманах худи, но взгляд цеплялся за каждый шорох.

— Клянусь, — сказал он, — если этот долбанный туман опять начнёт двигаться... я вернусь домой и спрячусь в шкаф.

— Тебе двадцать раз мама говорила, что ты в шкаф уже не помещаешься, — хмыкнул Мэтт.

— Это не по теме, — фыркнул Сэм. — И вообще, мы про Лукаса, а не про мою драму роста.

Эйден молчал. Он слушал. И каждый раз, когда в тумане едва слышно дернулся звук — сердце щёлкало, как крышка его ручки. Мэтт пошёл чуть впереди, пытаясь выглянуть за край тумана.

— Эй, — позвал он, — а вдруг он просто... ну, заблудился? Здесь легко запутаться, когда так серо.

Сэм покачал головой.

— Лукас не заблудился. Он вечно разбрасывает ассоциации: «я возле той уродливой лавочки», «я мимо магазина с кривой вывеской». Он бы нам сто звонков сделал.

Мэтт обернулся, серьёзный:

— А ты не подумал, что он хотел позвонить, но... не смог?

Сэм усмехнулся так, будто хотел скрыть свою тревогу.

— Почему, Мэтт? Был занят перфекционизмом?

— Нет... — Мэтт поёжился. — Просто... он звучал так, будто рядом что-то было. Что-то... неправильное.

Эйден остановился. Повернулся к ним. И тихо сказал:

— Я тоже это слышал.

Туман перед ними дрогнул. Волной. Как дыхание.

Сэм резко поднял кулаки:

— Я щас реально в шкаф уйду.

Но они пошли дальше. Там обычно всегда горели два фонаря. Сегодня — ни одного. Словно кто-то выкрутил лампы.

— Где все? И где свет? — прошептал Мэтт.

— Может, свет отключили, и из-за темноты кому тут надо торчать?, — ответил Эйден, хотя сам не верил.

Сэм осмотрелся, шурясь:

— Ну что, ищем нашего блуждающего идиота. Может, сидит на качеле и ждёт нас, как герой дешёвой мелодрамы.

Они свернули на дорожку к старой сцене, где Лукас любил сидеть один, болтая ногами.

— Лукас! — громко крикнул Эйден. — Эй! Если ты нас пугаешь — это было бы тупо!

Ответа не было. Только звук. Хриплый. Будто кто-то резко вдохнул рядом.

Мэтт вздрогнул:

— Чувак... это был он?

— Нет, — прошептал Эйден. — Это было... ближе.

Сэм натянул ленту на пальцы, как будто она могла спасти.

— Ребят... — голос у него стал тише. — Нам надо держаться вместе.

Мэтт подошёл ближе и почти незаметно ухватил его за рукав. На деревянной скамейке — там, где обычно сидел Лукас — лежал его телефон.

Экран треснут. Но светится. Эйден поднял его. Телефон был холодный. Слишком холодный.

— Это плохо, — тихо сказал Мэтт.

— Очень плохо, — ответил Эйден.

Сэм медленно сглотнул:

— Ты думаешь... он забыл его?

Эйден хотел ответить. Но телефон в его руке... моргнул. Экран стал белым. А потом — строка текста, как будто кто-то написал пальцем по стеклу:

«он уже здесь»

Мэтт выдохнул, и звук сорвался на писк:

— Ох... вот дерьмо...

— Бежим, — сказал Эйден сразу. — Сейчас же.

— Куда? — Сэм сжал кулаки. — Куда, чёрт возьми?!

Эйден поднял голову. И увидел. Не фигуру. Нет. Провал в тумане. Как будто кусок мира... вырезали. И оттуда вышел запах сырости и... чего-то мёртвого. Его дыхание дрогнуло.

— Дом Лукаса, — сказал он. — Нам нужно туда.

Сэм моргнул:

— Боже, ты серьёзно?!

— Он говорил, что он рядом с парком. Это ближайшее место.

— А если там это?.. — Мэтт указал дрожащей рукой на туман.

Эйден закрыл крышку ручки. Щёлк.

Решение принято.

— Если оно рядом, — сказал он, — тем более нельзя оставлять Лукаса одного.

Сэм тихо выматерился. Мэтт побледнел так, будто сейчас упадёт.

Но они пошли. Плечом к плечу. В ту сторону, где начинался Кленовый переулок и дом, который, казалось, ждал их. Туман расступался медленно. Как будто пропускал. Как будто хотел, чтобы они пришли.

ГЛАВА 3 — Дом, который слушает

Кленовый переулок выглядел так, будто его давно перестали замечать. Деревья стояли неподвижно — слишком неподвижно — словно кто-то приказал им замереть, чтобы не выдать себя. Туман здесь стал гуще, тяжелее, вязким, как если бы воздух сгнил изнутри.

У каждого шага был звук. Но звук будто не хотел жить — он тонула в сырости, исчезая, не успев родиться. Сэм остановился первым.

— Ребят... тут что-то не так.

— Ничего нового, — выдохнул Мэтт. — Весь вечер «что-то не так».

— Нет. Это другое.

Эйден тоже почувствовал. Как будто весь переулок слегка... дрожал. Незаметно, под кожей реальности. Треск тонкий, как от старой плёнки — то ли в ушах, то ли вокруг.

Дом Лукаса стоял в конце улицы, как всегда. Но сегодня он будто вырос. Потемнел. Наклонился вперёд, словно слушал их шаги.

Доски на фасаде стали темнее, чем должны быть, как мокрые ребра. Окна — чёрные, пустые, без отблесков, будто в доме нет стекла, только дыры. И передние ступени слегка прогнулись, когда ветер прошёл рядом... или это не ветер.

Мэтт сглотнул:

— Я... я не хочу к нему подходить.

— Никто не хочет, — ответил Эйден. — Но нам нужно.

Он сказал это спокойно. Но внутри у него что-то холодило позвоночник, медленно, как лёд, растущий по трубам.

Сэм выдохнул долгий, шипящий воздух:

— Этот дом выглядит так, будто жрал людей.

Мэтт нервно дёрнул плечом:

— Эм... а если так и есть, Сэм?

— Не говори об этом вслух, — прошептал Эйден.

Он не знал почему. Но чувствовал: дом слушает. Когда они ступили на кривую тротуарную плитку, туман отступил — как будто уступил им дорогу. Неохотно. С интересом.

Сэм посмотрел на это со страхом, который не пытался прикрывать:

— Он... разошёлся перед нами. Ты видел?

— Это просто ветер, — сказал Эйден.

Но никто ему не поверил. Даже он сам.

Они подошли к крыльцу.

Доски под ботинками Сэма хрустнули — слишком громко. Слишком живо. Мэтт вздрогнул так, будто по нему прошёл электрический ток:

— Чувствуете?

— Что?

— Как будто... нас тут ждут. Нас сюда позвали.

Эйден хотел сказать, что это паранойя. Но дверь впереди... приоткрылась.

И не тихо. Не медленно. А резко. С треском. Как будто кто-то внутри резко отдёрнул её.

Сэм вскинул кулак.

— Окей. Вот это уже жест. Это прямо... жест уровня фильма, где мы точно умираем первыми.

Но никто не выходил.

Эйден сделал шаг. И в этот момент — дом вздохнул. Настоящий, глубокий, старый вдох. Где-то под полом, в стенах, в тёмных коридорах внутри — воздух прошёл, как через чужое горло.

Дом жил.

Это было понятно сразу.

Сэм отступил, сжав кулаки ещё сильнее:

— Я... сказал бы, что это ветер, но ветер не дышит на тебя в лицо. Да и пахнет жутко.

Эйден прошёл внутрь первым. Тьма внутри была не просто тьмой. Она была густой, как гнилая вода. Она пахла сыростью, старыми стенами... и чем-то ещё, что-то сладким и едва уловимым — запахом, похожим на забытый плод, который уже начал портиться.

Мэтт вжал плечи:

— Эйден... ну его. Seriously. А что если он... не хотел, чтобы мы нашли, куда он пошёл?

Эйден обернулся, глядя на тёмный проём двери.

— Если он не хотел, — тихо сказал он, — значит, ему ещё хуже.

И нам всё равно нужно узнать. По-другому нельзя.

Сэм вытер ладонь о джинсы — она была влажной. Хотя воздух в доме был сухой. Это был не пот. Это был конденсат. Как будто дом трогал их. В коридоре стояла тишина, от которой звенело в ушах. Но под ней — что-то ещё. Низкое. Пульсирующее. Как будто внутри дома билось сердце, слишком большое для этого пространства.

Эйден почувствовал, как его собственное сердце начинает отбивать рваный ритм. И в этот момент — голос.

— Эм... привет? — сказал кто-то тихо слева.

Они все втроём развернулись.

Из кухни выходила Рейна.

С камерой в руке.

В свете тусклой лампочки её глаза блестели странно — будто отражали больше света, чем здесь было.

Она поправила волосы и тихо сказала:

— Я... думала, здесь никого нет.

Сэм чуть не присел от страха:

— Мать твою, Рейна! Ты чего тут делаешь?! Я чуть не отправился к праотцам!

Она слегка улыбнулась, слишком устало:

— Я тоже испугалась. Я... слышала шум. Думала, Лукас.

— Ты одна? — спросил Эйден.

— Да. Уже минут тридцать. Я зашла — а здесь как будто кто-то... был.

Она оглянулась на коридор — быстро, резко, как будто проверяла, не смотрит ли кто. Эйден заметил, как дрожат её пальцы. Совсем немного. Только внимательный бы увидел.

— Рейна, — сказал он, подойдя ближе. — Что ты видела?

Она медленно подняла на него глаза. И в них было что-то, чего раньше не было — тень, тонкая, как волос.

— Дом.

— Что дом?

— Он... узнаёт нас.

Тишина.

Глубокая, как вода в колодце.

— И ещё... — добавила она. — Я думаю, Лукас оставил для нас что-то.

Эйден почувствовал, как холод прошёл по позвоночнику, будто чья-то рука.

— Где?

Она кивнула в сторону лестницы.

— Наверху. В его комнате.

Дом скрипнул. Не от ветра. От удовольствия. Как будто он ждал этого вопроса.

ГЛАВА 4 — Комната, которая помнит

Лестница вверх была узкой, как глотка зверя. Доски под ногами скрипели — не старостью, а... сопротивлением. Каждый шаг ощущался так, будто под ним что-то шевелилось.

Сэм шепнул:

— Если дом начнёт оживать — я тебя брошу, Мэтт.

Мэтт тихо выдохнул:

— Я... даже не сомневался.

Эйден поднимался медленно. Он чувствовал, как туман из коридора тянется вслед, цепляется за ступени, будто пытается удержать. Наверху было три двери. Но взгляд цеплялся только за одну. За комнату Лукаса. Дверь была приоткрыта. Совсем немного. Как будто кто-то заглядывал и успел исчезнуть.

Рейна подняла камеру. Линза блеснула.

— Эйден, — прошептала она, — здесь... кто то есть..

Эйден не ответил. Он просто толкнул дверь. Комната Лукаса была такой же, но... искажённой. Фото на стенах — кривые. Кровать — смята, словно кто-то лежал на ней слишком долго. В углу стояла гитара Лукаса — струны натянуты слишком сильно, одна едва не лопнула. На столе — его кружка с чаем. Но чай был свежий. Пар тонкой струйкой поднимался вверх.

— Он... был здесь недавно, — выдохнул Мэтт.

— Или он ещё здесь, — произнёс Сэм, сразу подняв кулаки.

Эйден шагнул вперёд. И заметил. На полу — чёрная линия. Тонкая, как волос. Она тянулась от кровати к стене.

— Это... что? — Рейна присела, приблизившись.

— Плесень? — предположил Мэтт.

— Плесень не бывает такой ровной, — прошептал Эйден.

Он наклонился. Провёл пальцем в миллиметре над линией. Запах ударил в нос сразу: сырость, холод... и что-то сладкое, как запах гнилой ягоды. Рейна тронула линию кончиком ногтя. И комната вздрогнула. Стены — едва заметно. Воздух — как будто кто-то резко вдохнул. Лампа — моргнула.

— ЧТО ЭТО БЫЛО?! — выдохнул Мэтт, отскакивая.

— Не трогай тут ничего! — рявкнул Сэм.

Но было поздно.

Линия начала расширяться.

Пульсировать.

Словно сосуд под кожей.

— Ребят... — сказал Сэм, — эта дрянь дышит.

— Она... растёт, — прошептала Рейна.

Линия вдруг треснула.

И из трещины...

повалил туман.

Не тот, что был на улице.

Этот — чёрный.

Как будто он был сделан из тени и сырости.

Туман поднялся. И стал формироваться.

Руки.

Тонкие.

Длинные.

Как будто туман копировал человеческий силуэт, но делал его... неправильным. Мэтт закричал и зажал рот, чтобы не сорваться. Рейна отступила, камера дрожала в её пальцах. Сэм поднял кулак. Но рука дрожала. Фигура поднялась до человеческого роста. Медленно повернула лицо — или то, что вместо него было — к Эйдену.

И это лицо... Не было лицом. Это был провал. Чёрный. Глянцевый. Слишком глубокий, чтобы быть просто тенью. И из него раздался... звук.

Не рык.

Не шёпот.

Не голос.

Имя.

Шёпотом.

Тянуто.

Как будто его вытягивали из чьей-то памяти.

— эээйДЕЕН...

У Эйдена холод прошёл по спине, как будто кто-то положил ледяную ладонь ему под кожу.

— Бежим, — выдохнул он.

Но никто не мог двинуться.

Силуэт вытянул руку. Длинную, холодную, жидкую как дым. И указал ею — прямо на кровать Лукаса. Эйден медленно повернулся. На подушке... лежал лист бумаги. Его почерк. Без сомнений. Но это было невозможно. Он этого не писал.

Сэм прошептал:

— Эйден... чёрт возьми... скажи, что это не твоё.

— Я... — голос сорвался. — Не знаю.

Он подошёл медленно, словно воздух стал вязким. Взял лист. На нём — короткая фраза. «Он помнит всё, что мы забываем.»

И в этот момент силуэт из тумана... улыбнулся. Без рта. Без губ. Просто провалом, который стал шире.

Лампа лопнула. Комната погрузилась в темноту. И Эйден почувствовал дыхание этой сущности у самого уха.

— ты... вернулся... Все трое закричали разом.

ГЛАВА 5 — То, что помнит тебя

Крик не был криком. Это был звук, как если бы воздух порвался. Эйден не помнил, как оказался у двери. Помнил только: лампа лопнула, темнота рухнула на них сразу — тяжёлая, мокрая, пахнущая сыростью и гнилой сладостью. И ещё — дыхание у самого уха. Будто кто-то стоял слишком близко, слишком живо, хотя живого там быть не могло.

Сэм рванулся вперёд первым.

— К ЧЁРТУ ЭТО ВСЁ! — заорал он и ударил туда, где секунду назад туманная фигура тянулась к ним.

Кулак рассёк пустоту.

Не звук. Не сопротивление. Ничего. Туман просто разошёлся, как вода. И снова сомкнулся. Сэм застыл на месте, будто мозг не успел догнать реальность.

— Я... — он хрипло выдохнул. — Я промахнулся... по туману?

— Сэм, — Мэтт звучал так, будто его горло сжали с обеих сторон. — Оно же... было тут...

Эйден не смотрел туда, где оно было. Он смотрел на чёрную линию на полу. Линия стягивалась назад — быстро, жадно. Как если бы момент с ними был не нападением, а пробой пера.

Рейна дёрнула камерой, подняла её к лицу.

— Свет! — выдохнула она. — Ему не нравится свет.

— Тебе что, жалко попросить его вежливо выйти? — Сэм попытался усмехнуться, но получилось криво. — «Извините, господин туман, вы нас пугаете»?

Рейна не ответила. Щёлкнула вспышкой — короткий белый выстрел в темноту. Ещё один. Ещё. Дом вздрогнул. Не в переносном смысле. Настоящий скрип прошёл по стенам — как судорога. Воздух в комнате дрогнул так, будто внутри что-то отдёргнуло лицо от огня.

— Пошли! — Эйден выдавил это почти шёпотом.

Он не хотел говорить громко. Не знал почему. Просто чувствовал: дом слушает. Они вылетели в коридор. Лестница вниз стала узкой, не по размерам — по ощущению. Как будто она сжималась вокруг них. Доски под ногами скрипели не старостью. Скрипели сопротивлением. Сэм схватил Мэтта за плечо.

— Держись за меня, понял? — он говорил резко, жёстко. — Если ты навернёшься — я тебя не подниму, я тебя вытащу.

— Очень успокаивающе, — Мэтт попытался выдохнуть и почти не смог. — Спасибо.

Они слетали по ступенькам почти вслепую. Тьма шла за ними следом. Не бежала. Не догоняла. Она спускалась — медленно, будто знала, что они никуда не денутся. Внизу, в коридоре, стало тише. Слишком. Тишина была как ватная пробка в ушах — от неё хотелось заорать, просто чтобы услышать себя.

— Где выход? — выдохнул Мэтт.

Эйден посмотрел на дверь.

Дверь была на месте.

Но теперь — закрыта.

Не просто закрыта.

Засов был сдвинут. Старый, ржавый, которого он не помнил, когда они входили.

Сэм подскочил, дёрнул.

— Открывайся.

Металл не шевельнулся.

Сэм дёрнул ещё раз, сильнее.

Дверь даже не заскрипела.

— Так не бывает, — прошептал Мэтт.

Сэм резко обернулся к Рейне, и в голосе у него впервые за вечер было не только зло — там было настоящее напряжение.

— Окей, стоп.

Ты вообще понимаешь, что это чужой дом?

Рейна моргнула.

— Да...

— «Да»? — Сэм шагнул ближе. —

Это не «да». Это статья.

А если бы тут были родители Лукаса?

Что бы ты им сказала? «Привет, я тут так, ночами по домам лазаю»?

Мэтт подхватил, дрожа:

— Ты хоть постучала? Ты вообще... думала?

Рейна опустила глаза. Не так, как виноватая. Скорее как человек, которому страшно вспомнить.

— Я стучала, — сказала она тихо. — Долго. Никто не открыл. Дверь была приоткрыта. Я решила... что он внутри.

— Решила и полезла? Одна? — Сэм почти сорвался. — Ты нормальная?

Рейна подняла голову. В глазах — не вызов. Упрямство, которое держит, когда страшно.

— Нормальная бы ушла. А я... услышала, что там тихо, когда должно быть шумно. И подумала: ну если ему плохо, а я развернусь, потому что «нельзя», — потом себе не прощу.

Сэм хотел ещё что-то сказать, но воздух в доме вдруг дрогнул.

Тонкий треск — как ноготь по дереву.

Где-то глубоко.

Снизу вверх.

Как будто дом напомнил: спорить можно потом.

Сэм резко повернулся к двери снова.

— Всё. Мне хватит. Мы выходим.

Он рванул засов.

В этот раз металл сам съехал в сторону.

Без скрипа.

Без усилия.

Просто — шух.

Дверь приоткрылась. Не потому что поддалась. Потому что её открыли. Эйден почувствовал это кожей — как чужой взгляд на затылке.

Мэтт шепнул:

— Оно... нас отпускает?

Сэм выдохнул, как после удара.

— Это хуже.

Они вывалились наружу.

Холод ударил в лицо сразу. Ночь была мокрой, липкой. Туман на улице всё ещё стоял, но теперь он не был просто туманом. Он двигался. Еле заметно. Как будто внутри него кто-то проходил невидимым шагом. Сэм обернулся на дом.

— Я клянусь... он смотрит на нас.

Эйден тоже это чувствовал. Окна дома были чёрные, пустые. Но в этих прямоугольниках было внимание. Мэтт дрожащими пальцами полез в телефон.

— Я хочу позвонить Лукасу.

Он открыл контакты, прокрутил список, словно надеялся, что сейчас увидит имя и всё станет нормальным.

Эйден резко выхватил у него телефон.

— Ты чё тупишь? — голос сорвался. — Его телефон у меня.
Мэтт моргнул, будто проснулся.
— Я... я не подумал.
Сэм уже достал свой. На автомате.
Глянул в экран — и застыл.
— Ребят...
— Что? — Эйден.
— Контакта... нет.
Эйден открыл свой.
Пусто.
Словно номера Лукаса никогда не было в их телефоне.
Сэм сказал тихо, без шутки:
— Окей. Значит, это не просто «жуткий дом».
Мэтт смотрел на списки контактов, как на разлом в земле.
— Как он может исчезнуть из телефона? Он же у нас... в жизни есть. Он запнулся. Словно сам испугался продолжения.
Эйден сжал телефон.
— Значит, мы нашли то место, куда он попал.
Сэм резко выдохнул.
— И что дальше? Мы вернёмся туда и устроим бой с паром?
Рейна подняла камеру.
— Мы не вернёмся туда без плана.
— У тебя есть план? — Сэм.
Рейна кивнула.
— У меня есть снимки.
Эйден повернулся к ней.
— Какие снимки?
— Я сделала их, когда была наверху. До того, как вы пришли.
Сэм усмехнулся нервно.
— О да. Прекрасно. После сегодняшнего «снимки» звучат как «давайте ещё немного пострадаем».
Рейна глянула на него устало.
— Там есть кое-что... что я не хочу смотреть одна.
Мэтт сглотнул.
— У тебя дома?
— Да.
Сэм посмотрел на Эйдена.
— Мы вообще доверяем ей?
Эйден не сразу ответил. Он смотрел на дом. На туман. На пустое место, где ещё вчера было имя друга. И понимал: они уже в этом по горло. Без вариантов.
— Мы доверяем тому, что у нас нет ничего лучше, — сказал он. — Пошли.
Они пошли по переулку. Туман позади них сдвинулся. Еле-еле. Как будто шагнул следом.
Сэм не оглянулся, но сказал вполголоса:
— Я не хочу знать, что на этих фотках.
— Поздно, — выдохнул Мэтт.
Эйден шёл первым. И впервые за долгое время он шёл не потому что «так надо». А потому что если остановится — это догонит их.

ГЛАВА 6 — Снимки, которые не должны существовать

Дом Рейны стоял на соседней улице — ближе, чем хотелось. Холлоу-Крик ночью был не городом, а пустой декорацией: окна слепые, витрины чёрные, деревья неподвижные, будто их поставили на паузу. Туман шёл за ними, не догоняя и не отставая. Он держал расстояние. Как хищник, которому не надо спешить. Сэм всё время оглядывался.

— Я чувствую себя героем игры, где за тобой следует невидимая тварь, и если повернёшься — она ближе, чем секунду назад.

— Ты и так герой игры, — сипло сказал Мэтт. — Только без сохранений.

Эйден не отвечал. Ему казалось, что туман слышит даже мысли, если они достаточно громкие.

Рейна шла впереди, держа камеру у груди двумя руками. Плечи у неё были подняты — как у человека, который всё время ждёт сильного хлопка по спине.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спросил Эйден.

Она обернулась на секунду.

— Сегодня нет хороших идей.

Её дом выглядел обычным. Слишком обычным для этой ночи. Двухэтажный, светлый, с крыльцом и маленьким фонарём над дверью. Фонарь горел, но свет у него был жёлтый и мёртвый, как в больничных коридорах. Рейна открыла дверь ключом. И в тот же миг туман у порога... остановился.

Не рассеялся.

Не полез внутрь.

Он будто упёрся в невидимую грань и замер — ровной плотной полосой на улице.

Сэм заметил это и невольно сделал шаг назад.

— Он... не заходит.

— Давайте быстрее, — тихо сказала Рейна и первой нырнула внутрь.

В доме было тепло. Даже душно. Пахло кофе, старым деревом и мятым шампунем. Всё человеческое. Всё нормальное. И от этого становилось ещё хуже. Потому что нормальность в такую ночь ощущалась как ошибка. Рейна провела их на кухню. Скинула куртку, вытащила из кармана стопку свежих полароидов, коробку с уже проявленными снимками и аккуратно разложила всё на столе. Словно боялась, что одно неловкое движение — и снимки рассыпятся.

— Я снимала наверху, когда была одна, — сказала она. — До того как вы пришли. Смотрите по порядку.

Сэм сел первым. Тяжело. Как упал. Мэтт сел рядом, уткнувшись в колени. Эйден остался стоять.

Первый снимок — комната Лукаса. Пыльная. Пустая. Нормальная. Никакой линии на полу. Никакого тумана. Как если бы в ней вообще ничего не происходило.

Второй — лестница в коридоре. Слишком тёмная, как будто камера не хотела её показывать. Свет на кадре был полосами — как на старой, царапанной плёнке.

Третий — крыльцо дома Лукаса, снятое изнутри через мутное окно. На ступенях стояли вы трое: Эйден впереди, Сэм полубоком, Мэтт за спиной.

— Это когда мы подошли, — сказал Эйден.

— Я увидела вас через окно и щёлкнула, — кивнула Рейна.

Сэм прищурился.

— Тут ещё кто-то.

Эйден наклонился ближе. Чуть в стороне от двери было размытое человеческое пятно. Не тень. Не блик. Силуэт, который будто не успел «проявиться» до конца. Лица — нет. Не потому что его спрятали. А потому что там нечему было проявляться.

Эйден почувствовал, как у него внутри что-то холодно осело.
— Это... кто? — голос Мэтта треснул.
Сэм отодвинулся от стола.
— Рейна, ты уверена, что это не просто... брак? — он говорил быстро, слишком громко.
— Полароид иногда мажет.
Рейна покачала головой.
— Не так. И не там.
Сэм выругался шёпотом.
— Чёрт...
Рейна положила перед ними четвёртый снимок.
Лестница.
И на ней — туман. Еле заметный, как дым над холодной свечой.
Но в этом дыме проступали следы ладоней на стене.
Будто кто-то стоял рядом и вжимался руками в дерево, слушая.
Мэтт сглотнул.
— Они как будто... изнутри...
Сэм отодвинулся ещё дальше.
— Мне плевать, откуда. Я просто хочу, чтобы это перестало быть около нас.
Пятый снимок был почти чёрный. Но если всмотреться — Кровать Лукаса. Подушка.
Лист бумаги на ней. А над кроватью — тёмная фигура, склонённая к подушке.
Не как зверь.
Не как человек.
Как если бы она слушала это место. Проверяла его. Ждала, что что-то там откликнется.
Эйден отдернул руку от стола. Мэтт издал звук на грани рвоты.
Сэм сказал глухо:
— Оно было там, пока ты снимала.
Рейна кивнула.
— Я не сразу поняла.
А когда поняла — уже было поздно. В кухне повисла тишина, густая, как кисель. Сэм прошёлся до раковины и обратно, как тигр по клетке.
— Так, — выдохнул он. — Всё. Стоп. Мне это... не нравится. Нет. Мне это охренеть как не нравится.
Он посмотрел на Эйдена так, будто ждал приказа «в атаку», а получил пустоту.
— Это не наша работа. Я не подписывался охотиться на... это. Мы не взрослые. Мы вообще дети, если честно. Давайте позвоним родителям. Пусть они звонят в полицию, священнику, духоловам, чёрт знает кому. Я в этом участвовать не буду.
Мэтт медленно поднял голову.
— Духоловам?
— Да хоть Ван Хельсингу. Я не знаю. Но кто-то постарше должен это разрулить.
Рейна молча смотрела на стол. На снимки. Как будто они были не бумажками, а открытой раной. Эйден не сказал ни слова. И это Сэма разозлило ещё сильнее.
— Эйден, — он ткнул пальцем в сторону снимков. — Ты видел то же самое, что и мы. Это уже не квест. Это хрень, после которой люди пропадают. Лукас пропал. Мы залезли в его дом. Мы увидели то, что не объяснить. И у нас есть... фотокарточки, которые вообще не должны существовать. Давай не будем играть в героев.
Мэтт хрипло усмехнулся.
— Ага. Окей. Сэм, давай представим это гениальное обращение к взрослым.
Он сделал голос на полтона выше, копируя себя же в панике:

— «Мам, пап... Лукас пропал. Мы без спроса залезли к нему домой, пошарились по комнате, разбудили там туманный кошмар, который снялся на полароид, а потом оно постучало нам в окно. Вы нам верите?»

Мэтт выдохнул и добавил своим реальным голосом:

— Ты как думаешь, что будет дальше?

Сэм скривился.

— Они поверят.

— Угу, — Мэтт кивнул слишком серьёзно. — Поверят. А потом нас дома запрут до совершеннолетия. И начнут будить в шесть утра, чтобы мы писали в баночку каждую неделю. «Просто на всякий случай. А вдруг вы там в тумане наркотики нашли?»

Сэм фыркнул, но это был нервный звук.

— Ну класс. Отличный план. Значит, просто молча умрём. Красиво. По-мужски.

— Мы не молча, — тихо сказал Эйден. — И не умрём.

Сэм резко повернулся.

— Ты сейчас опять хочешь туда идти?

Эйден смотрел на снимки, как на карту местности, где кто-то уже оставил капкан.

— Оно... — он подбирал слова. — Оно нас вытащило из дома.

Не убило там.

Не сожрало.

Не оставило внутри.

Выкинуло наружу.

Сэм скрестил руки.

— И? Типа «спасибо за гостеприимство»?

— Нет. Типа... оно хочет, чтобы мы сделали следующий шаг сами.

Мэтт помолчал.

— Это звучит, как самая идиотская мысль, которую я слышал сегодня... и, к сожалению, как самая логичная.

Сэм выругался через зубы.

— Мне не нравится, что я живу в мире, где это слово «логичная».

Эйден поднял голову.

— Если мы сейчас позвоним взрослым... пока они доедут, пока они начнут разбираться... Лукас исчезнет ещё дальше.

— Ты не знаешь этого, — Сэм.

— Я знаю, что мы уже теряем время.

Сэм хотел возразить, но Рейна вдруг сказала, очень тихо:

— Оно ждёт.

— Кто «оно»? — Сэм раздражённо. — У нас теперь все предметы ждут?

Рейна кивнула в сторону окна. Эйден повернул голову. Туман стоял у стекла. Не лез внутрь. Не расползлся. Он просто ждал. Ровной стеной. Свет фонаря делал его не серым, а чуть темнее. Как будто в нём была глубина. И внутри этой глубины иногда что-то шевелилось — совсем чуть-чуть. Как лёгкое движение под водой.

Сэм прошептал:

— Он реально ждёт...

Мэтт выдавил:

— А если он останется до утра?..

Рейна не отвела взгляд.

— Он останется столько, сколько нужно.

Сэм дёрнулся, будто хотел пнуть стул.

— Я ненавижу, когда ты так спокойно это говоришь.

Эйден почувствовал, как злость поднимается внутри — холодная и твёрдая.

— Тогда мы вернёмся, — сказал он.

Сэм уставился на него.

— Чувак, ты сейчас говоришь это так, будто идёшь за хлебом.

— Я говорю это так, — Эйден поднял взгляд, — потому что если мы не вернёмся — он не вернётся.

Мэтт побледнел.

— А если мы вернёмся — мы не вернёмся.

Эйден посмотрел на него.

— Мы вернёмся. И Лукас тоже.

Сэм медленно сел обратно, будто из него вытащили воздух.

— Ладно. Но без геройства. Если начинается хрень — мы валим. Сразу.

— Сразу, — подтвердил Эйден.

Рейна поднялась.

— Я пойду с вами.

Сэм не дал ей договорить.

— Даже не обсуждается. Ты уже полезла одна — хватит. Мы идём вместе.

Рейна кивнула. И в этот момент один из полароидов... дрогнул на столе. Еле заметно. Как от ветра. Но ветра в кухне не было. Сэм тоже увидел.

— Что за...

Снимок медленно пополз по столу. На миллиметр. На два. К краю. Словно кто-то невидимый толкал его пальцем.

Мэтт вскочил:

— НЕ ТРОГАЙТЕ НИЧЕГО!

Но уже было поздно. Полароид с их крыльцом перевернулся сам. Плавно. Почти ласково. И на обратной стороне начали проявляться буквы. Не чернилами. Не ручкой. Как будто их вдавливали изнутри бумаги. Эйден прочитал первым. Одно слово. Слишком личное. Слишком точное. **«ВОЗВРАЩАЙСЯ»**

Сэм выдохнул так, будто его ударили в грудь. Рейна подняла камеру — руки у неё задрожали снова.

Мэтт прошептал:

— Оно... здесь?

Эйден медленно посмотрел в окно. Туман стоял всё так же. Только теперь в нём было едва заметное углубление — как форма лица, прижатого к стеклу снаружи.

Без глаз.

Без рта.

Просто присутствие.

Но Эйден точно знал, куда оно смотрит. На него. И где-то глубоко, на самом дне головы, шевельнулся чужой, сухой шёпот:

— эйДЕЕН...

Эйден отступил на шаг.

И понял:

эта ночь закончится не тогда, когда рассветёт.

Она закончится тогда, когда они снова откроют дверь дома Лукаса.

ГЛАВА 7 — Улица, которая делает вид, что ты чужой

Они вышли почти сразу. Не потому что были готовы. Потому что оставаться было хуже.

Рейна запихнула полароиды обратно в коробку, сунула в рюкзак, камеру повесила на шею так, будто это был не ремешок, а талисман. Эйден взял коробку подмышку — не доверял, что она останется в доме, где туман уже научился писать слова.

Сэм надел худи, капюшон натянул до бровей.

— Если я сегодня увижу ещё одно «проявляющееся сообщение» — я вступлю в секцию йоги и перестану дружить с вами, — буркнул он.

— У тебя гибкости на йогу хватит? — хрипло спросил Мэтт.

— Хватит, чтобы послать тебя в космос, — огрызнулся Сэм, но без настоящей злости.

Эйден шёл первым, как всегда. Но в этот раз он чувствовал: кто-то идёт ещё впереди него. Туман у дома Рейны всё так же стоял стеной.

Когда они вышли на крыльцо, он на секунду дрогнул — как ткань на ветру. А потом медленно отступил, оставляя им дорожку. Не широкую. Ровно на троих. Как будто рисовал маршрут. Сэм заметил и выдохнул тихо:

— Он нам ещё и тропинки показывает. Как мило.

— Не мило, — сказал Мэтт. — Он нас ведёт.

В городе было пусто. Не «тихо». А именно пусто — как в декорации, где массовка ушла на перекур и забыла вернуться. Фонари горели через один. Те, что горели, давали свет не на асфальт, а будто внутрь тумана — туда, где свет вяз в сером, как в мокрой вате. Они шли к Кленовому переулку. Так было логично. Так было страшно. Но другого пути не было. Первые минуты никто не говорил. Пока Сэм вдруг не остановился.

— Эй. — Он посмотрел на дом напротив, нахмурился. — А где... где лавочка?

— Какая? — Эйден.

— Да вон же была. У Тедов. Мы на ней летом сидели, когда... — Сэм запнулся, не потому что забыл, а потому что не мог найти в голове точку опоры. — ...когда жара была, помните?

Эйден посмотрел. Лавочки не было. Была ровная трава. Сухая. Слишком ровная, будто там никогда ничего не стояло.

— Может, убрали, — сказал Эйден.

Сэм выдохнул сквозь зубы.

— Ночью? За час? Ну да, конечно.

Мэтт вдруг тихо сказал:

— А я не помню лавочку.

Сэм повернулся к нему.

— В смысле?

— В прямом. Я... помню, что мы ходили к Тедам, да. Но лавочку — нет.

Сэм открыл рот, чтобы рявкнуть, но закрыл. Посмотрел на Эйдена.

— Ты помнишь?

Эйден тоже попытался представить. Лето. Дом Тедов. Их смех. Но лавочка... расплывалась. Как слово, которое знаешь, но не можешь вытащить изо рта.

— Не уверен, — сказал он честно.

Сэм поблел.

— Это шутка?

— Нет, — сказала Рейна очень тихо. — Это не шутка.

Сэм хотел спросить «что ты имеешь в виду», но туман впереди сдвинулся, и у него будто язык к нёбу прилип.

Они дошли до перекрёстка. Там, где раньше была вывеска «Кленовый переулок», теперь висела пустая железка. Без букв. Без следов краски. Как будто таблички никогда не было. Мэтт нервно рассмеялся.

— Окей, это уже реально странно. Мы что, попали в район, где всё воруют по ночам? Вывески, лавочки, может, завтра у нас ещё и улицу утащат?

Сэм ткнул пальцем в пустую табличку.

— Это не «украли». Это как будто... стерли.

Сэм сказал это и сам замолчал. Будто услышал себя и понял, что сказал слишком точно. Эйден почувствовал, как у него под ложечкой стало холодно.

— Давайте не стоять, — сказал он. — Идём.

Они свернули в переулок. Тьма там была густая. Но не ночная. Домашняя. Как будто тьма — хозяин этих домов, а свет — гость. Туман снова начал идти перед ними, лениво, но уверенно. Он не расплзался во все стороны. Он собирался в узкий коридор, как тропа в лесу. Сэм шёл, прикусив губу.

— Мне это не нравится.

— Ничего сегодня не нравится, — выдохнул Мэтт.

— Нет. Это другое.

— Сэм оглянулся на Эйдена. — Чувак, у меня ощущение, что мы идём не туда.

— Мы идём к дому Лукаса.

— Я знаю. Но ощущение, что... нас туда ведут. А не мы решили.

Рейна подняла камеру и посмотрела в объектив, на туман.

— Он показывает дорогу, — сказала она.

— Да, я уже понял, — Сэм нервно усмехнулся и тут же заткнулся, потому что впереди что-то мелькнуло.

Тень.

Не туманная.

Человеческая.

На секунду.

Она пересекла улицу между домами, как будто кто-то прошёл поперёк тропы, не глядя на них. Эйден остановился.

— Ты видел? — спросил Сэм.

Мэтт кивнул, зубами стуча.

— Там кто-то был.

— Люди... — прошептал Сэм. — Тут вообще люди есть?

Эйден сделал шаг вперёд.

— Эй! — крикнул он в пустоту. — Простите!

Ответа не было.

Но где-то справа скрипнула калитка.

Сэм выдохнул:

— Ну супер. Сейчас выбежит сосед с ружьём и скажет, что мы наркоманы.

Из двора правда вышел человек. Соседка — женщина лет пятидесяти, в халате, с кружкой в руках. Она была абсолютно реальная. Живая. Тёплая. Эйден облегчённо шагнул к ней.

— Простите, вы не видели... — он запнулся на имени, как на ступеньке, которая вдруг исчезла. — ...нашего друга?

Женщина посмотрела на него. И улыбнулась — вежливо. Как улыбаются прохожему, который спросил дорогу.

— Извините... — сказала она мягко. — Вы кто?

Эйден моргнул.

— Эйден. Мы живём тут... рядом.

Женщина кивнула, будто соглашаясь, но глаза оставались пустыми.

— Я вас не знаю.

Сэм шагнул к Эйдену.

— Мы к Барнетам идём, — сказал он громче. — К Лукасу.

Женщина нахмурилась.

— К кому?

Слово прозвучало так, будто это был набор звуков. У Эйдена в груди что-то щёлкнуло.

Мэтт прошептал:

— Она... шутит?

Соседка на них смотрела искренне.

— Здесь нет Барнетов, мальчики. Тут давно пустой дом.

Сэм открыл рот. Ничего не сказав. Ему было видно: он не знает, как существовать в ситуации, где взрослый человек так спокойно говорит такую загробную хрень.

— Вы уверены? — тихо спросил Эйден.

Женщина пожала плечами.

— Конечно. Я живу тут восемь лет. Дом на конце улицы пустой. Там никто не живёт.

Она сделала глоток из кружки, словно это была самая обычная беседа о погоде, а не о том, что у Эйдена в горле уже стоит ледяной ком.

— Если вам нужен кто-то, — добавила она, — лучше идите домой. Ночью тут... странно.

Сэм нервно хохотнул.

— Спасибо. Мы заметили.

Женщина снова улыбнулась — уже чуть виновато — и ушла во двор. Калитка мягко закрылась. Тишина в переулке стала ещё сильнее.

Мэтт первым выдохнул:

— Она правда нас не узнала.

Сэм резко повернулся к Эйдену.

— Чувак. Это уже не «взрослым расскажем». Ты только что видел, как взрослый сказал, что твоего друга не существует.

Эйден смотрел на калитку. Словно надеялся, что женщина вернётся и скажет «шучу». Она не вернулась.

— Пошли, — сказал Эйден.

Голос у него был ровный. Слишком ровный. Как лёд. Они двинулись дальше. Туман шёл впереди. Но теперь он не просто показывал дорогу. Он делал её уже, чтобы они шли в ряд. Чтобы не обошли.

Сэм прошептал:

— Я не люблю, когда меня строят.

Мэтт хрипло:

— Скажи это туману.

Сэм хотел огрызнуться, но в этот момент они увидели дом Лукаса. Он стоял в конце улицы, как чёрная глыба. И казалось, что он стал ближе, чем был. Будто переулок чуть-чуть сжался, чтобы подвести их к нему быстрее. Окна дома были пустые. Но теперь в одном из них — на секунду — сверкнул свет.

Не лампа.

Скорее отражение чего-то внутри.

Сэм схватил Эйдена за рукав.

— Я видел.

— Я тоже, — сказал Эйден.

Рейна подняла камеру.

— Не шевелитесь.

Она шёлкнула вспышкой в сторону дома. Белый свет ударил по окнам. И на секунду за стеклом мелькнула фигура. Не туманная. Не человек. Слишком быстрая. Как чёрная полоса на старой плёнке. Мэтт попятился.

— Это было...

Сэм выдохнул:

— Это было реально.

Эйден шагнул вперёд. И дверь дома... приоткрылась сама. Совсем немного. Как рот, который собирается сказать «заходи». Сэм остановился.

— Вот тут я официально заявляю протест.

— Поздно, — выдохнул Мэтт.

Эйден повернулся к ним.

— Внутри кто-то есть.

— И это аргумент? — Сэм.

— Это шанс.

Сэм шумно сглотнул.

— Чувак, ты слышишь себя? Мы идём туда, где нас ждёт хрень, которая утатила Лукаса, потому что «шанс».

Мэтт посмотрел на Сэма и тихо поддел:

— Хочешь вернуться к взрослым? Скажешь тётке в халате, что у нас «шанс»?

Сэм оглянулся на пустую табличку улицы. На туман, который стоял за спиной, как стена. На дом, который открывал им дверь. И его лицо стало не злым. Усталым.

— Окей, — сказал он наконец. — Но я говорю это один раз: если кто-то из вас увидит ещё одну фразу на полароиде — мы валим.

Эйден кивнул.

— Договорились.

Рейна шагнула первой.

— Стой, — сказал Эйден.

Она обернулась.

— Что?

Эйден посмотрел на коробку с полароидами, сжал её сильнее.

— Если всё пойдёт не так... не разбегаемся.

Сэм хмыкнул.

— Да куда тут разбежишься.

Мэтт сглотнул.

— Я вообще не планировал сегодня бегать.

Эйден посмотрел на дом. И почувствовал, что дом слышит этот разговор. Не как стены слышат звук. А как кто-то живой слышит выбор. Они подошли к крыльцу. Доски под ногами скрипнули — и звук был не жалобный. Он был довольный. Сэм тихо выматерился.

Мэтт шепнул:

— Он... рад?

Эйден не ответил. Он поднял голову и увидел на двери новую царапину.

Тонкую.

Свежую.

Как букву.

Как слово, которое кто-то только что закончил писать ногтем. «внутри» Рейна подняла камеру, но вспышку не включила. Сэм выдохнул, как перед прыжком.

— Ну что, ребят... встречаемся с нашим ебанутым туманным другом.

Эйден положил ладонь на дверь. Дерево было холодным. Но не как ночью холодно. А как бывает холодно у предмета, который слишком долго ждал прикосновения. Дверь сама распах-

нулась. И тьма внутри была плотная, как вода. Туман позади них сдвинулся. И закрыл улицу. Не резко. Почти нежно. Как крышка гроба, которую опускают медленно, чтобы не стукнуло. Сэм обернулся на секунду. Там уже ничего не было видно. Как будто переулка никогда не существовало.

Сэм тихо сказал:

— Охренеть.

И они вошли.

ГЛАВА 8 — Цена имени

И они вошли. Первое, что ударило — не темнота. Тишина. Такая, что Сэм машинально разжал пальцы, будто тишина — это что-то липкое, что прилипло к коже. Дом Лукаса был тёплым. Даже душным. И от этого делалось хуже — в такую ночь тепло выглядело ошибкой, как свет в закрытых глазах.

Эйден остановился на пороге. Пальто поверх футболки чуть шуршало о косяк. Он поднял фонарь, луч прошёл по прихожей: тумбочка, вешалка, коврик, знакомые стены. Вчера он здесь стоял. Вчера всё было на своих местах.

Сэм шагнул внутрь вторым и тут же оглянулся назад. Дверь была открыта. Только за ней не было улицы. Там не было тумана, фонаря, переулка. Там было... ничего. Белая глушь, как лист без линий. Как если бы мир за порогом вытерли ластиком и не дорисовали обратно. Сэм моргнул, сделал шаг назад — и упёрся плечом в воздух. Порог уехал от него на полшага вглубь дома.

— Эйден. — сказал он ровно. Слишком ровно. — Подойди.

Эйден подошёл, взглянул в проём. Улица отсутствовала так, будто её никогда не было. Мэтт зашёл третьим, спросил раздражённо-нервно:

— Чё там?

Сэм не ответил. Просто сделал жест головой.

Мэтт посмотрел — и его лицо потянуло вниз.

— ...Нам надо выйти.

Голос у него дрогнул на последнем слове, почти по-детски. Рейна вошла последней, аккуратно, не шумя. Встала за их спинами, глянула в проём и не сказала ничего. Только сильнее прижала камеру к груди.

Эйден первым нашёл голос:

— Не паникуем. Это может быть...

Он хотел сказать «иллюзией». Но слово не пришло. Вместо него в голове было что-то пустое и скользкое. Как будто язык на секунду стал чужим.

Сэм усмехнулся — без шутки:

— «Может быть» — это сейчас слабый вариант.

Мэтт дёрнулся к проёму, выставил руку вперёд, будто хотел нащупать улицу. Пальцы вошли в белое — и пропали. Не отрезало. Просто растворились в молоке, как в воде. Он отдёрнул ладонь так резко, будто обжёгся.

— Нет-нет-нет... — шепнул он и тут же зажал рот рукой.

Эйден схватил его за запястье.

— Смотри на меня. Дыши. Здесь.

Мэтт кивнул, но кивок вышел рваный. Он пытался поймать воздух, как рыбу руками. Сэм встал между ними и проёмом, будто белая пустота — это животное, которое может прыгнуть.

— Ладно, — сказал он тихо. — Выхода нет. План Б?

— Внутри кто-то есть, — ответил Эйден. И сам услышал, как это звучит: «шанс» на новых рельсах.

Сэм хотел огрызнуться — но дом сделал паузу за него.

Где-то вверху быстро, сухо прошёлся скрежет.

Скр-р-р.

Как ногтем по дереву.

Как будто кто-то торопливо дописывал слово.

Рейна подняла подбородок.

— Он слышит, — сказала она.

— Кто «он»? — Сэм тут же повернулся.

Рейна не отвела взгляд от темноты коридора.

— Тот, кто это делает. Туман — не просто вода в воздухе. Он тут не случайно.

Сэм сглотнул.

— Ты говоришь так, будто знаешь.

Рейна медленно качнула головой.

— Я вижу.

Эйден шагнул в коридор. Пол был чуть влажный. Доски старые, но ни звука — как будто дом не хотел отдавать им шум в долг. На крючке висела куртка Лукаса. Живая куртка — не музейная. И от неё пахло им. Но в этом «пахло» было что-то неправильное: как в комнате, где человек есть, но только в форме.

Мэтт пошёл за Эйденем, считая шаги — губы шевелились, пальцы на бедре отбивали ритм. Сэм заметил, но промолчал. Сейчас у каждого своё спасение.

— Лукас! — крикнул Сэм в лестничный пролёт.

Звук ушёл вверх... и умер. Эхо даже не родилось. И следом за криком пришёл ответ. Не голос. Вдох, ставший звуком.

— ...Сэм.

Он прозвучал из кухни. Тихо. Почти ласково. И — чужим тембром, но с его интонацией. Сэм замер так, будто ему в плечо сунули ледяную иглу.

— Чё?

— ...Эйден.

Второе имя — уже из гостиной. Эйден обернулся. Никого. Но воздух там был чуть гуще. Чуть темнее.

— ...Мэтт.

Третье имя прозвучало прямо за их спинами. Мэтт взвизгнул — коротко, сорвано — и отступил в Эйдена, почти прячась.

— Не-не-не... — зашептал он. — Это не он. Это не он. Это не он.

— ...Рейна.

Рейна не вздрогнула. Только закрыла глаза на секунду, будто слушала очень знакомую мелодию, от которой тошнит. Сэм посмотрел на неё.

— Ты уже это слышала, да?

Рейна открыла глаза.

— Да.

Эта «да» ударила по всем троим сильнее, чем имя из темноты. Эйден сделал шаг к ней.

— Когда?

Она посмотрела куда-то в пол.

— Раньше. Не здесь.

Сэм хотел спросить ещё — но дом опять скрипнул. На этот раз ближе. Прямо под ступенями.

Скр-скр-скр.

Как будто кто-то снизу царапал лестницу изнутри. Мэтт как-то сразу побледнел.

— Это... подвал?

Эйден кивнул. И сам почувствовал, что кивает не «потому что логично», а потому что другого пути дом не предлагает.

— Там Лукаса нет, — сказал Сэм вдруг. — Он бы хоть ответил. Это не он.

Рейна, тихо:

— Зато там то, что его держит.

Сэм выдохнул:

— Охренеть. Нормальный вечер.

Эйден не стал спорить. Он только почувствовал, как где-то на краю памяти дрогнула тонкая нитка. Ему на секунду показалось, что он забыл, как именно Лукас смеётся. Не «в целом забыл смех». А конкретный оттенок — будто кто-то вытер одну фотографию из альбома.

И в тот же миг он понял: это не страх играет. Это кто-то берёт.

— Вниз, — сказал Эйден.

Мэтт мотнул головой слишком быстро.

— Я... я не хочу туда.

— Я тоже не хочу, — ответил Сэм. — Но мы уже внутри.

Он сказал «внутри» — и словно сам вздрогнул от слова. Как будто оно оказалось тяжелее, чем должно. Подвал встретил сыростью. Низкий потолок, трубы как ребра, коробки с хламом Лукаса. Душно и мокро, как в подземном горле.

И туман тут был видимым: не облако, а ленты по полу, тонкие и живые, как если бы кто-то ползал в темноте и пробовал землю языком. Эйден повёл фонарём. Свет вырывал куски: сломанный стул, мяч, старый геймпад, стопка журналов.

Быт Лукаса — здесь.

А Лукаса — нет.

— Лукас! — крикнул Эйден.

Тишина.

Зато под его словом в воздухе что-то шевельнулось, как если бы имя ударило по воде.

Мэтт сжал ремень рюкзака, почти до белых костяшек.

— Я считаю, — сказал он сам себе. — Нормально. Один, два...

Сэм обернулся к нему.

— Держись рядом, окей?

Мэтт кивнул. И сразу сорвался:

— Я держусь! Я просто... я не понимаю, что я тут делаю! Я не должен тут быть!

Голос у него прыгал, как мяч по лестнице. Паника была уже не за дверью — прямо в горле. И туман это услышал. Он не рванул. Он сделал иначе: ленты у пола потекли к Мэтту. Медленно. Слишком спокойно. Как хищник, которому некуда спешить.

Мэтт отступил.

— Ребят... — прошептал он. — Он ко мне.

Сэм шагнул ближе к нему.

— Да пошёл он к чёрту.

Эйден тоже сделал шаг и положил ладонь Мэтту на плечо.

— Смотри на меня. Дыши.

Мэтт задыхался, но воздух будто не входил. Слова начали ломаться в нём на полпути.

— Я... я не хочу... — он захлебнулся. — Я не хочу исчезать! Слышите?

Туман дотронулся до его кроссовок. Мэтт дёрнулся всем телом.

— НЕТ! — вырвалось из него. — Не трогай! Не трогай!

Он шарахнулся назад — и упёрся в стену, которой секунду назад там не было. Подвал тихо переставил стены, чтобы он не убежал. Сэм ударил ладонью по бетону.

— Ты охуел?! Ты издеваешься?!

Он говорил в пустоту, но пустота слушала. Туман поднялся до щиколотки Мэтта. Ткань его штанины стала будто мокрой, хотя на полу не было воды. Цвет потускнел, волокна как будто истончились — словно их вытирали ластиком прямо на глазах.

Мэтт заплакал. Не красиво и не «по книге». Он просто прижал ладони к лицу и затрясся.

— Я не хочу... — выдавил он. — Я не хочу так. Пожалуйста. Я... я всё сделаю, только не...

Он снова захлебнулся. Слово «не» будто откусывали прямо с языка. Эйден сжал его плечо сильнее.

— Слушай меня. Ты здесь. Ты с нами.

Мэтт поднял глаза — красные, мокрые.

Смотрел на Эйдена так, будто тот — последняя доска над провалом.

— Если я уйду... — голос сорвался. — Вы перестанете помнить, что я был?

Сэм рванулся.

— Ты чё несёшь? Я тебя в память зубами вгрызу!

Фраза вышла тупая, но настоящая. Мэтт попытался вдохнуть — и вдохнул пусто. Туман поднялся до колен. И вместе с ним у Мэтта поехала речь.

— Эйден... — он дёрнул его за рукав. — Скажи моё имя.

Скажи сейчас, пожалуйста. Эйден открыл рот. И понял — имя не приходит. Не «я забыл». Имя есть где-то внутри, он его держит, как предмет. Но между предметом и языком — стена.

Сэм тоже попытался сказать — и завис на половине движения губ. Мэтт это увидел сразу. Лицо у него стало чужим, пустым — не от тумана, а от осознания.

— Уже... — прошептал он. — Уже нельзя?

Он рассмеялся всхлипом.

— Я даже... я даже не успею...

Туман потянулся выше и «съел» край его куртки. Кусок ткани стал прозрачным, как пар. Мэтт закричал. Настояще. Рвано.

— НЕТ! НЕ НАДО! Я НЕ ХОЧУ!

Он попытался вырваться, рванулся — и рука прошла сквозь собственное плечо, как через дым. Эйден держал его — и в какой-то момент почувствовал не куртку, а холодный воздух. Сэм схватил Мэтта за другую руку, потянул на себя.

— ДЕРЖИСЬ, СЛЫШИШЬ?!

Мэтт цеплялся, как мог.

Ногами скреб пол, как зверёк, которого тащат в воду.

Пальцы у него уже «смазывались», как след на влажном стекле.

— Я... — всхлипнул он. — Я не хочу быть... я не хочу быть тем, кого потом забудут.

Эйден наконец выдавил:

— Мы не забудем.

Но это было не имя. А туман хотел имя.

Он поднялся выше — к груди.

Мэтт исчезал по частям.

Сначала у них выскользнула ладонь: раз — и в их руках пусто.

Потом плечо под пальцами Эйдена стало полупрозрачным, будто его вытерли по линии света.

Мэтт смотрел на них до последнего, дрожа и плача:

— Пожалуйста... пожалуйста...

Потом слово оборвалось — вместе с ним.

И он пропал.

Подвал не сделал паузы.

Просто оставил их в холодной серости, где секунду назад был человек.

Сэм стоял, будто его зацементировали.

— Нееет... — выдохнул он.

Рейна прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать. Глаза у неё блестели, как у того, кто сейчас сломается, но держится из последних сил. Эйден опустил фонарь. И в голове у него что-то дрогнуло ещё раз. Он вдруг не смог вспомнить, как Мэтт смеётся. Не «смех вообще». Конкретный звук — тот, который был «его».

Это было хуже смерти. Это было как если бы друга у тебя украли прямо из прошлого.

Сверху заскрипело. Быстро, торопливо. *Скр-скр-скр*. Они подняли головы. На балке над лестницей проявлялись царапины — свежие, тонкие.

МИНУС ОДИН

Сэм смотрел на них и дышал, как через стекло.

— Оно... считает, — сказал он наконец. — Как будто мы... шаги.

Рейна тихо, почти без голоса:

— Ему нужно, чтобы осталось меньше тех, кто помнит Лукаса.

Эйден поднял взгляд на серость подвала.

— Значит, это не охота ради еды.

— Нет, — сказала Рейна. — Это охота ради забвения.

Сэм резко повернулся к ней.

— Тогда какого чёрта мы ещё живы?

Рейна посмотрела на проём лестницы, будто видела там что-то.

— Потому что ему нужны наши головы. Он не может стереть Лукаса, пока мы помним его целиком. Он вынимает нас по одному — и вместе с каждым уходит кусок Лукаса. Тот кусок, который был только у этого человека.

Эйден понял сразу. Это было страшно логично. Мэтт помнил Лукаса по-своему — в тех мелочах, которые были только между ними. И теперь вместе с Мэттом эти куски Лукаса тоже уходят.

Останется голая форма.

Пустой дом.

Пустое имя.

Сэм вытер глаза рукавом так зло, будто хотел стереть сам факт слёз.

— Значит, мы не расходимся.

Эйден кивнул.

— И не даём ему выбрать следующего.

Они пошли к лестнице. Туман у пола пополз за ними — не спеша. Уверенно. Как животное, которое знает: теперь их стало меньше, и память ломается быстрее. А где-то наверху дом снова царапал дерево — как будто писал имя следующего.

ГЛАВА 9 — Узел памяти

Они поднялись из подвала, и дом будто стал тяжелее. Не стены — они. В груди было тесно, как после крика, который так и не вышел из горла. Эйден шёл первым, держал фонарь ровно, почти упрямо, словно свет мог удержать реальность на месте. Сэм шагал рядом, взвинченный до струны, но сжатый внутри, как кулак. Рейна замыкала, чуть отстав, и это не выглядело бегством: она держала обзор, как человек, который знает, что опасность любит подходить сзади.

На верхней ступеньке Сэм остановился. Сначала просто замедлился, а потом застыл так, будто кто-то положил ладонь ему на плечо.

— Мэтт, — сказал он.

Имя прозвучало, но не зацепилось за воздух. Сэм нахмурился, попробовал ещё раз, вложив в слово силу:

— Мэтт!

Эйден повернулся и тоже произнёс тихо, как проверяют замок ключом:

— Мэтт...

Слово вышло нормально, но чувство от него было пустым, будто у него сняли кожу. Эйден поймал себя на том, что уже не может точно вспомнить, как Мэтт смеялся — не «вообще смех», а именно этот нервный, запоздалый смешок, когда он сначала сомневался, можно ли. Память держалась, но по краям словно подтаивала.

Сэм увидел это по лицу Эйдена и коротко вдохнул.

— Только не говори, что ты тоже это чувствуешь.

Эйден кивнул сразу, без героизма.

— Чувствую.

Рейна подошла ближе.

— Стирание не остановилось, — сказала она. — Оно идёт дальше.

Сэм развернулся к ней резко, в глазах у него была злость и просьба одновременно.

— Рейна, я сейчас на таком взводе, что если ты снова начнёшь разговаривать загадками, я могу взорваться. Что именно идёт дальше?

Она выдержала его взгляд.

— То, что его забрало. Туман ловит не тела. Он ловит место в голове. Сначала имя становится легким, потом исчезает не человек — исчезает сама возможность его вспомнить.

Сэм сжал перила, костяшки побелели.

— Мы держали его, мы орали, мы рвали воздух руками... — голос у него дрогнул — Сэм поймал это и сразу загрубил. — Я думал, если схватить крепче, он останется.

Эйден шагнул ближе, и в голосе у него было меньше «лидера», больше живого подростка, которому тоже страшно.

— Ты держал до конца. Это не про силу, Сэм. Это про то, что мы не можем зажать руками: память.

Сэм на мгновение закрыл глаза, будто проглотил удар.

— Ладно, — сказал он глухо. — Значит, держим Мэтта здесь, — он ткнул себя в висок. — И делаем так, чтобы это было не зря.

Эйден кивнул.

— Идём. Лукас оставил что-то.

Сэм шагнул к коридору и буркнул, уже почти по привычке:

— Если он оставил нам квест, я его после спасения убью.

Эйден усмехнулся краешком губ. Сэм это заметил и выдохнул легче — совсем чуть-чуть, но заметно.

Гостиная была такой же и не такой. Вроде всё на месте: диван, полка, ковёр. Но взгляд спотыкался о мелочи, словно дом успел подвинуть картинку, пока они были внизу. Эйден поймал себя на том, что держит в голове карту комнат — привычка из шахматного клуба, которая когда-то помогала выигрывать партии, а сейчас помогала не потеряться в собственном доме Лукаса.

Сэм подошёл к столу.

— Вот, — сказал он. — Телефон, ключи, тетрадь. Он был тут недавно. Лукас так не оставляет.

Эйден взял тетрадь в клетку. Почерк Лукаса был быстрый, дерганный, словно строки рвались вперёд:

«Если вы это нашли — значит, я уже не там, где должен быть. Пожалуйста, не спорьте. Он ждёт этого. Он идёт не за мной. Он идёт за теми, кто меня помнит».

Дальше — белые провалы, будто кто-то выскреб слова прямо из бумаги.

«...не называйте его.

...не говорите вслух.

Он слышит...»

Сэм наклонился через плечо.

— Охренеть. Это как инструкция «не жми красную кнопку», без объяснения, где она.

Эйден перелистнул дальше.

«Сначала исчезают названия. Потом — лица. Если забываете мелочь — он рядом. Если забываете имя — он выбрал цель».

Эйден поднял глаза.

— Он это понял раньше нас.

Рейна присела на край дивана. Спокойная снаружи, но пальцы у неё чуть тряслись. Эйден отметил: она держится не потому, что ей не страшно, а потому что знает, что если позволит себе дрогнуть — дом почувствует.

— Лукас оставил крошки, — сказала она. — Не лекцию. Он писал, пока мог.

Сэм выпрямился.

— Тогда где ответы? Кто эта штука и почему она пришла именно за ним?

Эйден перелистнул. Почерк стал жёстче:

«Год назад на мосту мы думали, что это просто туман. Но он шепчет имена. Он забирает людей так, что о них больше никто не помнит. Я видел, как он это сделал. И я сделал шаг, который не должен был делать».

Следующая страница была порвана пополам — грубо, на эмоциях.

Сэм тихо выругался.

— Спасибо. Пол-истории в клочья.

Эйден присел на край стола и на мгновение прикрыл глаза. Вина, которая сидела в нём с подвала, стала явной: он ощущал, что именно его решения толкнули их сюда, и мысль о Мэтте давила сильнее любой стены.

— В той ночи есть причина, — сказал он ровно. — Он пытался её спрятать или защитить. От нас и... от него.

Сэм посмотрел на Эйдена с раздражением и страхом сразу.

— Ты сейчас уверен или играешь в детектива, потому что иначе сломаешься?

Эйден поднял взгляд.

— Я пытаюсь не потерять ещё одного, — сказал он честно. — И не сделать вид, что Мэтт был расходником.

Сэм на секунду замолчал, будто в него попали. Потом кивнул.

— Ладно. Тогда ищем дальше.

Он выдвинул нижний ящик и достал коробку от полароида.

— О, хоть что-то понятное. Спасибо, Лукас, за визуализацию кошмара.
Внутри лежали три снимка.

Первый — берег, лето. Пятеро подростков. Сэм, Эйден, Лукас, Рейна. Мэтт стоял чуть в стороне, высокий, пухлый, с привычной стеснительной улыбкой «я стараюсь не мешать, но мне хорошо рядом». Эйден поймал себя на том, что смотрит на этот кадр как на последний якорь.

Сэм взял снимок за край и сжал пальцами.

— Смотри, — сказал он тихо. — Он тут прям... живой. Как будто сейчас скажет «я возьму ещё одну колу, ладно?» и будет стыдиться, что попросил.

Голос у Сэма дрогнул, но он не стал это прятать. Только быстро сунул фото в карман, к сердцу.

— Держу, — бросил он. — Чтобы не стёрли.

Второй снимок — вечер, вода, фонарь в чьей-то руке. В углу кадра серое пятно — слишком плотное для засветки.

Третий — лестница у моста. Ночь. Лукас стоит у перил, а рядом белая дыра, где точно был человек. Ничего не размазано — именно вытерто.

Рейна взяла третий снимок.

— Здесь кто-то стоял.

Сэм наклонился ближе.

— Кто?

Она покачала головой.

— Лицо не приходит. Но по тому, как Лукас стоит рядом, я понимаю: это был человек, ради которого он сделал тот шаг.

Сэм сел на диван. Мысль в нём крутилась, но не хотела становиться словом.

— Значит, всё началось на мосту. И он кого-то вытащил? Или помешал забрать?

Эйден кивнул.

— Да. И теперь эта штука хочет вернуть то, что потеряла. Поэтому она здесь.

Сэм скривился.

— То есть мы у неё как свидетели преступления? Окей. Тогда почему она не забрала нас сразу?

Рейна ответила спокойно, без пафоса:

— Потому что ей нужны не наши тела. Ей нужно, чтобы мы перестали держать Лукаса в голове. Пока мы помним — он есть. Если нас станет меньше, его будет легче стереть полностью. Тогда исчезнет и то, что он сделал на мосту.

Эйден подхватил:

— Он идёт по якорям. С каждым якорем, который ломается, уходит кусок Лукаса, который жил только в памяти этого человека.

Сэм резко поднял голову.

— Значит, Мэтт был якорем, — сказал он глухо. — И вместе с ним ушла часть Лукаса, которую помнил только он.

Эйден кивнул. Внутри у него всё сжалось сильнее, потому что он вдруг понял, что теряет не только друга, но и своего «старого Лукаса» тоже.

— Да. И если мы теперь отпустим Мэтта — это будет его победа вдвойне.

Сэм посмотрел на Эйдена прямо. В этом взгляде было соглашение и страх.

— Я не отпущу.

Рейна чуть выдохнула, как будто ей стало легче от этих двух слов.

Сэм потер висок.

— И всё же... «он вернёт себя обратно» — что это значит?

Рейна посмотрела на белую дыру на фото так, словно пыталась разглядеть там лицо.

— Как будто его самого когда-то стерли, — сказала она. — Не телом — смыслом. Лукас не дал этому закончиться до конца. Теперь он пытается собрать себя обратно, убрав всех, кто помнит то, что было на мосту.

Сэм кивнул, но тут же поморщился.

— Я почти понимаю, кто тогда пропал. Прямо рядом. А схватить не могу.

Рейна сказала тихо:

— У меня так же. Я помню ночь, фонарь, крик. Дальше закрытая дверь. Я знаю, что там дыра, потому что вокруг неё остаются следы. Фотографии, обрывки, одинаковые запинки у людей.

Сэм хмыкнул — уже как обычно, живее.

— То есть ты живёшь с дырой год и не завалилась? Слушай, я бы на твоём месте каждый день орал в стену.

Рейна пожала плечами.

— Я орала. Потом поняла, что стены слушают. И научилась держаться тише. Не потому что мне всё равно. Потому что иначе меня бы унесло раньше.

Сэм посмотрел на неё дольше, чем собирался, и в этом взгляде было что-то новое: уважение, тянущееся к теплу. Эйден заметил это краем сознания, но не лез. Ему сейчас было важно, чтобы между ними возникали нитки, а не трещины. В этот момент сверху раздался шорох — лёгкий, осторожный. Эйден поднял фонарь на лестницу.

— Кто там?

На площадке стояла девочка лет четырнадцати. В слишком большой худи, босиком, расчёпанная. Глаза огромные и мокрые, как у человека, который держался из последних сил.

Сэм выдохнул:

— Лиза?

Эйден моргнул.

— Сестра Лукаса?

Сэм кивнул. Лиза сделала шаг вниз.

— Вы... вы его нашли?

Эйден подошёл ближе, мягко, чтобы не давить.

— Мы ищем. Ты одна здесь?

Лиза покачала головой, потом запнулась.

— Я была у себя. Потом услышала, как вы кричали. А потом стало тихо, и я спряталась. Я думала, что это он вернулся.

Сэм присел перед ней, чтобы быть на уровне её глаз. В нём вдруг пропала вся показная крутизна — остался просто старший пацан.

— Лиз, всё нормально. Мы здесь. Скажи, ты помнишь, что было перед тем, как Лукас пропал?

Лиза нахмурилась, взгляд ушёл внутрь.

— Мы ругались. Я не помню из-за чего. Он сказал: «Если они придут — не открывай дверь». Я спросила кто «они», а он ответил: «Прячься». И слушал стену, будто там кто-то говорил.

Рейна тихо спросила:

— Про мост год назад ты что-нибудь помнишь?

Лиза побледнела.

— Фонарь... воду... как Лукас бежал. А дальше пусто. Когда пытаюсь вспомнить, у меня голова болит.

Сэм выдохнул и отвёл взгляд.

— Значит, тебя тоже зацепило.

Эйден кивнул.

— Лиза, ты знаешь, где в доме Лукас держал что-то важное? Где мог оставлять напоминания?

Лиза ответила сразу:

— В ванной.

Эйден удивлённо:

— Почему?

— Он ночами туда ходил, — сказала Лиза. — Сидел там и думал. Всегда закрывал дверь. Один раз я зашла, а он сказал: «Если я начну забывать — там будет то, что держит». И попросил туда не заходить.

Сэм вздохнул.

— Ладно. Идём в штаб-квартиру зубной пасты.

Он сказал это с кривой усмешкой, и Лиза чуть-чуть расслабилась, будто эта шутка вернула ей право быть не одной в кошмаре. В ванной воздух был плотнее, чем в остальном доме, словно здесь накопилось слишком много невысказанного. На зеркале царапинами было выведено:

МИНУС ДВА

Сэм выругался тихо, без спектакля.

Эйден открыл тумбу под раковиной. Там стояла аптечка, спрятанная так, будто это был тайник. Внутри лежали три вещи — простые и оттого страшные:

— старый браслет из ткани с надписью «МЭТТ»;

— полароид с мостом, где край кадра вытерт;

— камень на шнурке с процарапанной буквой «Л».

Эйден взял браслет, на секунду просто держал его в ладони, как держат живое. Потом протянул Сэму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.